

"Вы теперь всегда будете наказаны". Письмо Надежды Толоконниковой из мордовской исправительной колонии

Утром 23 сентября участница Pussy Riot Надежда Толоконникова, отбывающая наказание в ИК-14 (поселок Парца, Мордовия), заявила о том, что начинает голодовку и отказывается от работы в швейном цехе колонии — в связи с массовым нарушением прав осужденных женщин на производстве.

Одновременно Толоконникова подала обращение в Следственный комитет по поводу того, что ей угрожает убийством заместитель начальника колонии. «Лента.ру» публикует письмо Надежды Толоконниковой, в котором она объясняет, почему вступила в открытое противостояние с руководством исправительного учреждения.

В понедельник, 23 сентября, я объявляю голодовку. Это крайний метод, но я абсолютно уверена в том, что это единственно возможный выход для меня из сложившейся ситуации.

Администрация колонии отказывается меня слышать. Но от своих требований я отказываться не буду, я не буду молчаливо сидеть, безропотно взирая на то, как от рабских условий жизни в колонии падают с ног люди. Я требую соблюдения прав человека в колонии, требую соблюдения закона в мордовском лагере. Я требую относиться к нам как к людям, а не как к рабам.

Уже год прошел, как я приехала в ИК-14 в мордовском поселке Парца. Как говорят зэчки, «кто не сидел в Мордовии, тот не сидел вообще». О мордовских зонах мне начали рассказывать еще в СИЗО-6 в Москве. Самый жесткий режим, самый длинный рабочий день, самое вопиющее бесправие. На этап в Мордовию провожают как на казнь. До последнего надеюсь: «Может, все-таки ты не в Мордовию? Может, пронесет?» Меня не пронесло, и осенью 2012 года я приехала в лагерный край на берегу реки Парца.

Мордовия встретила меня словами замначальника колонии подполковника Куприянова, который фактически и командует нашей ИК-14: «И знайте: по политическим взглядам я — сталинист». Другой начальник (а колонией правят в тандеме) полковник Кулагин в первый же день вызвал меня на беседу, целью которой было вынудить меня признать вину. «У вас в жизни произошло горе. Ведь так? Вам дали два года колонии. А когда в жизни человека происходит горе, он обычно меняет свои взгляды. Вам нужно признать вину, чтобы уйти пораньше по УДО. А если не признаете — УДО не будет». Я сразу же заявила начальнику, что работать я собираюсь только положенные по Трудовому кодексу восемь часов в день. «Кодекс кодексом, но главное — выполнение норм выработки. Если вы не выполняете — остаетесь на продленный рабочий день. И вообще мы здесь еще и не таких ломали!» — ответил полковник Кулагин.

Вся моя бригада в швейном цехе работает по 16-17 часов в день. С 7.30 до 0.30. Сон — в лучшем случае часа четыре в день. Выходной случается раз в полтора месяца. Почти все воскресенья — рабочие. Осужденные пишут заявления на выход на работу в выходной с формулировкой «по собственному желанию». На деле, конечно, никакого желания нет. Но эти заявления пишутся в приказном порядке по требованию начальства и зэчек, транслирующих волю начальства.

Ослушаться (не написать заявление на выход на промзону в воскресенье, то есть не выйти на работу до часа ночи) никто не смеет. Женщина 50-ти лет попросилась выйти в жилзону не в 0.30, а в 20.00, чтобы лечь спать в 22.00 и хотя бы раз в неделю поспать восемь часов. Она плохо себя чувствовала, у нее высокое давление. В ответ было созвано отрядное собрание, где женщину отчитали, заплели и унизили, заклеили тунейдкой. «Тебе что, больше всех спать хочется? Да на тебе пахать надо, лошадь!» Когда кто-то из бригады не выходит на работу по освобождению врача, его тоже давят. «Я с температурой 40 шила, ничего страшного. А ты вот подумала, кто будет шить за тебя?!»

Мой жилой отряд в лагере меня встретил словами одной осужденной, досиживающей свою девятилетку:

«Мусора тебя прессовать побоятся. Они хотят сделать это руками зэчек!» Режим в колонии действительно устроен так, что подавление воли человека, запугивание его, превращение в бессловесного раба осуществляется руками осужденных, занимающих посты мастеров бригад и старшин отрядов, получающих указания от начальников.

Для поддержания дисциплины и послушания широко используется система неформальных наказаний: «сидеть в локалке до отбоя» (запрет на вход в барак — осень, зима ли; во 2-м отряде, отряде инвалидов и пенсионеров, живет женщина, которая за день сидения в локалке отморозила себе руки и ноги так, что пришлось ампутировать одну ногу и пальцы рук), «закрыть гигиену» (запрет подмыться и сходить в туалет), «закрыть пищевую каптерку и чайхану» (запрет есть собственную еду, пить напитки). И смешно, и страшно, когда взрослая женщина лет сорока говорит: «Так, сегодня мы наказаны! Вот интересно, а завтра нас тоже накажут?» Ей нельзя выйти из цеха пописать, нельзя взять конфету из своей сумки. Запрещено.

Мечтающая только о сне и глотке чая, измученная, задерганная, грязная, осужденная становится послушным материалом в руках администрации, рассматривающей нас исключительно в качестве бесплатной рабсилы. Так, в июне 2013 года моя зарплата составила 29 (двадцать девять!) рублей. При этом в день бригада отшивает 150 полицейских костюмов. Куда идут деньги, полученные за них?

На полную замену оборудования лагерю несколько раз выделяли деньги. Однако начальство лишь перекрашивало швейные машины руками осужденных. Мы шьем на морально и физически устаревшем оборудовании. Согласно Трудовому кодексу, в случае несоответствия уровня оборудования современным промышленным стандартам нормы выработки должны быть снижены по сравнению с типовыми отраслевыми нормами. Но нормы лишь увеличиваются. Скачкообразно и внезапно. «Покажешь им, что можешь дать 100 костюмов, так они повысят базу до 120!» — говорят бывалые мотористки. А не давать ты не можешь — иначе будет наказан весь отряд, вся бригада. Наказан, например, многочасовым коллективным стоянием на плацу. Без права посещения туалета. Без права сделать глоток воды.

Две недели назад норма выработки для всех бригад колонии была произвольно повышена на 50 единиц. И если до этого база составляла 100 костюмов в день, то сейчас она равна 150 полицейским костюмам. По Трудовому кодексу об изменении нормы выработки работники должны быть извещены не позднее чем за два месяца. В ИК-14 мы просто просыпаемся в один прекрасный день с новой нормой, потому что так вздумалось начальству нашей «потогонки» (так называют колонию осужденные). Количество людей в бригаде уменьшается (освобождаются или уезжают), а норма растет — соответственно, оставшимся работать приходится все больше и больше. Механики говорят, что нужных для ремонта оборудования деталей нет и не будет: «Нет деталей! Когда будут? Ты что, не в России живешь, чтобы такие вопросы задавать?» За первые месяцы на промзоне я практически освоила профессию механика. Вынужденно и самостоятельно. Бросалась на машину с отверткой в руках в отчаянной надежде ее починить. Руки пробиты иглами и поцарапаны, кровь размазывается по столу, но ты все равно пытаешься шить. Потому что ты — часть конвейерного производства, и тебе необходимо наравне с опытными швеями выполнять свою операцию. А чертова машина ломается и ломается. Потому что ты — новенький, и в лагерных условиях нехватки качественного оборудования тебе, естественно, достается самый никчемный из моторов на ленте. И вот мотор опять сломался — и ты снова бежишь искать механика (которого невозможно найти). А на тебя кричат, тебя понукают за то, что ты срываешь план. Курса обучения швейному мастерству в колонии не предусмотрено. Новеньких сразу же сажают за машинку и дают операцию.

«Если бы ты не была Толоконниковой, тебя бы уже давно *****» — говорят приближенные начальникам зэчки. Так и есть, других бьют. За неуспеваемость. По почкам, по лицу. Бьют сами осужденные, и ни одно избиение в женском лагере не происходит без одобрения и ведома администрации. Год назад, до моего приезда, до смерти забили цыганку в 3-м отряде (3-й отряд — пресс-отряд, туда помещают тех, кого нужно подвергать ежедневным избиениям). Она умерла в санчасти ИК-14. Факт смерти от избиений администрации удалось скрыть: причиной указали инсульт. В другом отряде неуспевающих новеньких швей раздевали и голыми заставляли шить. С жалобой к администрации никто обратиться не смеет, потому что администрация улыбнется в ответ и отпустит обратно в отряд, где «стукачку» избьют по приказу той же администрации. Начальству колонии удобна контролируемая дедовщина как способ заставить осужденных тотально подчиняться режиму бесправия.

На промзоне царит угрожающе нервная атмосфера. Вечно невысыпающиеся и измученные бесконечной погоней за выполнением нечеловечески огромной нормы выработки зэчки готовы сорваться, орать в голос, драться из-за ничтожнейшего повода. Совсем недавно юной девушке пробили ножницами голову из-

за того, что она вовремя не отдала брюки. Другая на днях пыталась себе проткнуть ножовкой живот. Ее остановили.

Заставшие в ИК-14 2010-й, год пожаров и дыма, рассказывали о том, что в то время как пожар подбирался к стенам колонии, осужденные продолжали выходить на промзону и давать норму. Человека было плохо видно в двух метрах из-за дыма, но, повязав на лица мокрые платки, они шли. В столовую на обед из-за чрезвычайного положения не выводили. Несколько женщин рассказывали, как они, чудовищно голодные, вели в то время дневники, где старались фиксировать ужас происходящего. Когда пожары закончились, отдел безопасности колонии эти дневники старательно отшмонал, чтобы ничего не просочилось на свободу.

Санитарно-бытовые условия колонии устроены так, чтобы ээк чувствовал себя бесправным грязным животным. И хотя в отрядах есть комнаты гигиены, в воспитательно-карательных целях в колонии создана единая «общая гигиена», то есть комната вместимостью в пять человек, куда со всей колонии (800 человек) должны приходить, чтобы подмыться. Подмываться в комнатах гигиены, устроенных в наших бараках, мы не должны, это было бы слишком удобно. В «общей гигиене» — неизменная давка, и девки с тазиками пытаются поскорее подмыться «свою кормилицу» (как говорят в Мордовии), взгромоздившись друг другу на головы. Правом помыть голову мы пользуемся один раз в неделю. Однако и этот банный день время от времени отменяется. Причина — поломка насоса или затор в канализации. Иногда по две или три недели отряд не мог помыться.

Когда забивается канализация, из комнат гигиены хлещет моча и летит гроздьями кал. Мы научились самостоятельно прочищать трубы, но хватает ненадолго — она опять засоряется. А троса для прочистки у колонии нет. Стирка — раз в неделю. Прачка выглядит как небольшая комната с тремя кранами, из которых тонкой струей льется холодная вода.

Из воспитательных же видимо целей осужденным всегда дается только черствый хлеб, щедро разбавленное водой молоко, исключительно прогоркшее пшено и только тухлый картофель. Этим летом в колонию оптом завозили мешки склизких черных картофельных клубней. Чем нас и кормили.

О бытовых и промышленных нарушениях в ИК-14 можно говорить бесконечно. Но главная, основная моя претензия к колонии лежит в другой плоскости. Она в том, что администрация колонии самым жестким образом препятствует тому, чтобы хоть какие-либо жалобы и заявления, касающиеся ИК-14, выходили за ее стены. Основная моя претензия к начальству — то, что они заставляют людей молчать. Не гнушась самыми низкими и подлыми методами. Из этой проблемы вытекают все остальные — завышенная база, 16-тичасовой рабочий день и т.п. Начальство чувствует себя безнаказанным и смело угнетает заключенных все больше и больше. Я не могла понять причин, по которым все молчат, пока сама не столкнулась с той горой препятствий, которая валилась на решившего действовать ээка. Жалобы из колонии просто не уходят. Единственный шанс — обратиться с жалобой через родственников или адвоката. Администрация же, мелочно-мстительная, использует все механизмы давления на осужденного, чтобы тот понял: лучше от его жалоб никому не будет, а будет только хуже. Используется метод коллективного наказания — ты пожаловался, что нет горячей воды — ее выключают вообще.

В мае 2013 мой адвокат Дмитрий Динзе обратился в прокуратуру с жалобой на условия в ИК-14. Замначальника лагеря подполковник Куприянов мигом установил в колонии невыносимые условия. Обыск за обыском, вал рапортов на всех моих знакомых, изъятие теплой одежды и угроза изъятия теплой обуви. На производстве мстят сложными в пошиве операциями, повышением нормы выработки и искусственно создаваемым браком. Старшина смежного с моими отрядом, правая рука подполковника Куприянова, открыто подговаривала осужденных порезать продукцию, за которую я отвечала на промзоне, чтобы за порчу «государственного имущества» был повод отправить меня в ШИЗО. Она же приказывала осужденным своего отряда спровоцировать драку со мной.

Все можно перетерпеть. Все, что касается только тебя. Но коллективный колонийский метод воспитания означает другое. Вместе с тобой терпит твой отряд, вся колония. И, что самое подлое, те люди, которые успели стать тебе дороги. Одну мою подругу лишили УДО, к которому она шла семь лет, старательно перевыполняя на промке норму. Ей дали взыскание за то, что она пила со мной чай. В тот же день подполковник Куприянов перевел ее в другой отряд. Другую мою хорошую знакомую, женщину очень интеллигентную, перекинули в пресс-отряд для ежедневных избиений за то, что она читала и обсуждала со мной документ Минюста под названием «Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений». На всех тех, кто имел общение со мной, были составлены рапорта. Мне было больно от того, что страдают близкие мне люди. Подполковник Куприянов, усмехаясь, сказал мне тогда: «Наверняка у тебя уже совсем нет друзей!» И пояснил, что все происходящее — из-за жалоб адвоката

Динзе.

Сейчас я понимаю, что мне стоило объявить голодовку еще в мае, еще в той ситуации, но видя чудовищный пресс, который включили в отношении других осужденных, я приостановила процесс жалоб на колонию.

Три недели назад, 30 августа, я обратилась к подполковнику Куприянову с просьбой обеспечить всем осужденным в бригаде, в которой я работаю, восьмичасовой сон. Речь шла о том, чтобы сократить рабочий день с 16 часов до 12 часов. «Хорошо, с понедельника бригада будет работать даже восемь часов», — ответил он. Я знаю — это очередная ловушка, потому что за восемь часов нашу завышенную норму отшить физически невозможно. Следовательно, бригада будет не успевать и будет наказана. «И если они узнают, что это произошло из-за тебя, — продолжил подполковник, — то плохо тебе уже точно никогда не будет, потому что на том свете плохо не бывает». Подполковник сделал паузу. «И еще — ты никогда не проси за всех. Проси только за себя. Я много лет работаю в лагерях, и всегда тот, кто приходил ко мне просить за других, отправлялся из моего кабинета прямо в ШИЗО. А ты первая, с кем этого сейчас не случится».

В следующие несколько недель в отряде и на промке была создана невыносимая обстановка. Близкие начальству осужденные стали подстрекаать отряд на расправу: «Вы наказаны на потребление чая и пищи, на перерывы на туалет и курение на неделю. И вы теперь всегда будете наказаны, если не начнете вести себя по-другому с новенькими и особенно с Толоконниковой — так, как вели себя старосиды с вами в свое время. Вас били? Били. Рвали вам рты? Рвали. Дайте и им *****. Вам ничего за это не будет».

Меня раз за разом провоцировали на конфликт и драку, но какой смысл конфликтовать с теми, кто не имеет своей воли и действует по велению администрации?

Мордовские осужденные боятся собственной тени. Они совсем запуганы. И если еще вчера все они были к тебе расположены и упрасивали — «сделай хоть что-то с 16-тичасовой промкой!», то после того как на меня обрушивается пресс начальства, все они боятся даже разговаривать со мной.

Я обращалась к администрации с предложением уладить конфликт, избавив меня от искусственно созданного начальниками давления подконтрольных им зэчек, а колонию — от рабского труда, сократив рабочий день и приведя в соответствие с законом норму, которую должны отшивать женщины. Но в ответ давление лишь усилилось. Поэтому с 23 сентября я объявляю голодовку и отказываюсь участвовать в рабском труде в лагере, пока начальство колонии не начнет исполнять законы и относиться к осужденным женщинам не как к выброшенному из правового поля скоту для нужд швейного производства, а как к людям.

Надежда Толоконникова

Автор: Артур Скальский © Lenta.Ru ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 10965 24.09.2013, 16:29

URL: <https://babr24.com/?ADE=118917> Bytes: 16288 / 16274 Версия для печати Скачать PDF

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)